

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет»; проректор по научной работе,
Донская духовная семинария, иерей,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty, Southern Federal University;
Vice-rector for Scientific Work,
Don Theological Seminary, Priest,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: k_fp3@mail.ru

Маковская Полина Николаевна,
стажер адвоката,
Ростовская областная
Коллегия адвокатов «Бизнес и право»,
344003, г. Ростов-на-Дону,
ул. Лермонтовская, д. 94/96,
email: polinamakovskaya@mail.ru

Makovskaya, Polina N.,
Advocate's Intern,
Rostov Regional Collegium
of Advocates "Business and Law",
94/96 Lermontovskaya Str., Rostov-on-Don,
344003, Russian Federation,
email: polinamakovskaya@mail.ru

Фатхи Валентина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых
дисциплин, Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение
высшего образования «Ростовский
юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83,
email: v.i.fatkhi@gmail.com

Fatkhi, Valentina I.,
PhD in Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Civil Law Disciplines,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
83, Eremenko Str., Rostov-on-Don,
344015, Russian Federation,
email: v.i.fatkhi@gmail.com

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОНЯТИЕ, ОЦЕНКА РИСКОВ И РЕГУЛИРОВАНИЕ*

LEGAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CONCEPT, RISK ASSESSMENT, AND REGULATION**

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

** The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00225 "Legal regulation of the safe use of artificial intelligence technologies: conceptual models of safety, risk prevention and responsibility", carried out at the Southern Federal University.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам безопасного и эффективного использования искусственного интеллекта (ИИ) в правоприменении, юридическом консультировании и судопроизводстве. Современная юридическая наука и законодательная практика имеют дело с фундаментальным вызовом: отсутствием единой, юридически выверенной категории для обозначения ИИ, применяемого в правовой сфере. Авторами предпринята попытка выделить и описать риски использования ИИ в юриспруденции, обосновать концепт «юридический искусственный интеллект», спрогнозировать вызовы, ответственность и угрозы безопасности и правопорядку в сфере применения ИИ в юриспруденции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, правоприменение, судебское усмотрение, рутинные процедуры, машиночитаемое право, юридическая терминология, юридическая техника, правовое регулирование

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. Юридический искусственный интеллект: понятие, оценка рисков и регулирование / А. И. Овчинников, П. Н. Маковская, В. И. Фатхи. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 52–62. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-6

Введение. На современном этапе развития технологий использования ИИ в юридической сфере возникает необходимость комплексного системного подхода к обеспечению безопасности личности, общества и государства ввиду особой значимости для человека решений, принимаемых ИИ в правоприменительных процессах. Однако это частное направление в развитии правового регулирования ИИ не может быть продуктивным вне общей парадигмы правовой политики в сфере ИИ.

На сегодняшний день вместо четких определений формируется сложный, многоуровневый регуляторный ландшафт, где наряду с общими отраслевыми нормами (например, Федеральным законом «О персональных данных» [24]) действуют стратегические документы доктринального характера (Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года [15]) и функционируют экспериментальные правовые режимы («регуляторные песочницы»). Законодательство в сфере ИИ находится в состоянии динамичного формирования, где бизнесу и государству приходится балансировать между соблюдением жестких требований по безопасности и необходимостью гибкой адаптации к инновациям.

ABSTRACT. The article is devoted to the problems of safe and effective use of artificial intelligence (AI) in law enforcement, legal consulting, and legal proceedings. Modern legal science and legislative practice are facing a fundamental challenge: the lack of a unified, legally sound category for AI used in the legal field. The authors attempt to identify and describe the risks of using AI in law, and to justify the concept «legal artificial intelligence». It is necessary to predict the challenges, responsibilities, and threats to security and the rule of law in the field of AI application in law.

KEYWORDS: artificial intelligence, law enforcement, judicial discretion, routine procedures, machine-readable law, legal terminology, legal technique, and legal regulation

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I., Makovskaya, P. N., Fatkhi, V. I. (2025) Principles of Ethical and Legal Regulation of Artificial Intelligence Technologies in Education and Scientific Research. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(4): 52–62 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-6

В этих условиях возникает ряд острых проблем, одной из которых является отсутствие терминологической определенности.

Пока еще в российском законодательстве отсутствует не только определение статуса ИИ (объект или субъект права), но и отраслевая спецификация, в результате чего такие важнейшие направления регулирования ИИ, как ответственность за действия и решения ИИ или определение авторских прав на результат его генерации, остаются без прямых законодательных ответов. Это создает «серые зоны» в правовом регулировании ИИ и значительные юридические риски для разработчиков и пользователей технологий.

Правовое мышление и ИИ. В современном обществе нормы права являются важнейшими и основными регуляторами человеческого поведения. Помимо самих норм права, в понятие «право» включаются и элементы внутреннего духовного мира человека – правовая культура, правосознание, правовое мышление и мировоззрение, представляя собой не только важнейшие элементы культуры общества в целом, но и оказывая прямое регулятивное воздействие на правовую жизнь общества.

Стремительное развитие технологий для человечества порождает целый ряд проблем, так как замена человеческого сознания на искусственное ведет к игнорированию указанных выше регуляторов. Внутренний духовный мир человека и его мышление не имеют алгоритмической и цифровой природы, носят невербализируемый характер, который в принципе не может воспринять программа в силу невозможности уложить весь спектр настроений, стремлений, переживаний в единую упорядоченную систему. Желание человечества создать сильный ИИ, работающий на основе квантовых технологий, являющийся цифровой копией оцифрованного человеческого сознания, не изменит данного положения, так как сугубо человеческое начало интеллекта, именуемое «чувственно-эмоциональной сферой», в которой зарождаются мысли и помыслы, искусственно создать невозможно: для этого требуется создать человека.

Данный скепсис по поводу создания такого сильного ИИ подтверждается мнением ряда ученых, в числе которых нобелевский лауреат Роджер Пенроуз, утверждающих, что человеческий мозг уже по сути является квантовым компьютером [17], а потому его возможности в плане решения проблем, в которых невозможно прописать последовательность решения (там, где требуются озарение и инсайт, интуиция и творческое духовное начало), заведомо превосходят возможности ИИ в аналогичных неалгоритмизируемых задачах. Человеческое мышление и познание онтологически укоренены в контекст постижения смысла жизни человека во Вселенной, а не к механистическому познанию как отражению действительности.

Онтологическая контекстуальность мышления особенно ярко проявляется в ходе решения проблемы машинной обработки вариативности человеческой речи и многогранности естественного языка. Язык человека всегда имеет интонационные особенности, в нем присутствуют идиоматические обороты, различные диалекты, просторечия, жаргонизмы, акценты. Различие стилей общения, семантическое и аксиологическое наполнение и наличие эмоциональной окраски в виде «массовидных» проявлений психики делают человеческий язык с его оттенками смыслов труднодоступным для систем ИИ. Язык наряду с искусством, религией

и наукой относится к числу основных символических форм, которыми владеет человек. Человек – это символизирующее животное (*animal symbolicum*), наделяющее мир значением и смыслом через символические языковые формы [9]. Оцифровка человеческого языка в ходе, например, «живых» слушаний в суде и приведение его в форму сухих канцелярских формализованных терминов неизбежно детерминирует потерю точных смыслов сказанного с прагматической точки зрения. Теоретические основы прагматичного понимания информации методологически не разработаны в науке по сей день.

И в этом смысле даже такой вид профессионального правового мышления, как судебное усмотрение, является не столько процессом «созерцания» рассудком и разумом или отражения правовой реальности, сколько пониманием и освоением события с нравственно-правовой точки зрения сквозь призму духовной составляющей человеческого сознания.

Понимание основано не на рационально-логическом уровне познания, а на умении «освоить», сделать своим, пережить понимаемое. Конечно, нужно согласиться, что технологии неизбежно проникают во все элементы правовой системы и юридическая наука не может игнорировать постановку общих целей использования ИИ, возможностей цифровых технологий в удовлетворении интересов граждан. При этом научно-техническая революция и информационный взрыв не меняют сущности государства и права, но серьезно изменяют их формы [14]. Неконтролируемое применение ИИ в критичных областях и чувствительных социогуманитарных отраслях знания несет риски гораздо большие, нежели возможный положительный эффект.

Алгоритмизация процессов как правотворчества, так и правоприменения автоматически не должна означать устранения человека из наиболее критичных процессов цифрового взаимодействия. Подход в данном вопросе должен быть сдержанным и осторожным. Духовное смыслопорождение в области применения ИИ должно остаться для человечества осознанным и «прожитым» душой, а практическое применение благ цифровой цивилизации – эволюционно ценностным и не разрушающим творческий потенциал герменевтического уровня правового мышления индивида.

Сегодня совершенно очевидно существование такого неизбежного изъяна ИИ как смещенность оценок (предубежденность системы ИИ) [20], что в совокупности с невозможностью внедрения в системы ИИ всего морально-этического комплекса установок правосознания, присущего человеку, и с невозможностью учета системами ИИ вопросов контекстуального значения юридически значимых событий и исторических и социальных связей и явлений, делает недостижимой и вероятность полной замены человека в сфере судебного правоприменения.

Представляется, что необходимо ввести в юридическую науку термин «юридический искусственный интеллект», который вберет в себя лучшие достижения современной юридической науки в области безопасного применения ИИ, и определит ареал такого применения с точки зрения некой золотой пропорции между желаемой и рискованной эксплуатацией цифровых достижений.

Контуры определения юридического искусственного интеллекта. На наш взгляд, юридический искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, предназначенные для поддержки, вспомогательного обеспечения либо выполнения ряда действий в правовой сфере, функционирующий с четко определенной степенью автономности, обеспечивающий прозрачность своих выводов, соответствие принципам справедливости и правовой защиты, а также подлежащий специальной сертификации и контролю в целях минимизации рисков для прав и законных интересов участников правоотношений. Критическим ограничивающим признаком является то, что результаты деятельности юридического ИИ носят вспомогательный, информационно-рекомендательный характер и не могут подменять собой окончательное профессиональное суждение и решение субъекта правотворчества или правоприменения.

Современная мировая практика регулирования ИИ, в частности, реализованная в Регламенте или Законе Евросоюза об искусственном интеллекте (EU AI Act), демонстрирует эффективность риск-ориентированного подхода,

при котором системы классифицируются по степени потенциального вреда. Этот подход должен быть адаптирован к юридической сфере с учетом специфики юридических рисков. Систематизация юридического ИИ по уровню потенциального вреда позволяет дифференцировать регуляторное воздействие, избегая как избыточных ограничений для безопасных технологий, так и недостаточного контроля над критически важными.

Предлагаем следующую четырехуровневую классификацию систем юридического ИИ по уровням риска:

Уровень 1. Системы с минимальным риском – это вспомогательные инструменты, не оказывающие прямого влияния на содержание или исход юридически значимых действий (системы для поиска и каталогизации судебных решений, инструменты распознавания и грамматической проверки юридических документов, системы для организации документооборота). Такие системы обладают следующими критериями классификации: результаты носят исключительно информационный характер; отсутствует прямое воздействие на права и обязанности участников правоотношения; высокая обратимость (ошибка может быть легко исправлена); не требуется оценочное суждение. Такие системы свободны в использовании, не требуют специальной сертификации, однако обязаны обеспечивать соблюдение общих принципов добросовестности данных и базовых этических норм).

Уровень 2. Системы ограниченного риска – системы, прямо взаимодействующие с пользователем и генерирующие контент, который может быть воспринят как юридически значимый, но окончательное решение остается за человеком (системы анализа договоров с выявлением потенциальных рисков, инструменты для поиска релевантной судебной практики, системы для прогнозирования исходов дел, чат-боты для первичного консультирования клиентов). Для таких систем необходимо обеспечение принципа прозрачности работы. Пользователь должен быть ясно и своевременно проинформирован о том, что взаимодействует с ИИ, а не с человеком. Генерируемый контент должен иметь соответствующие маркировки.

Уровень 3. Системы высокого риска – это системы, которые непосредственно участвуют

в принятии решений и могут принимать решения, создающие угрозу безопасности личности, общества и государства, а также нарушающие основополагающие права и свободы человека и гражданина (системы формирования судебных решений, инструменты для оценки риска рецидива в уголовном судопроизводстве, системы кредитного скоринга и т. д.). Эта категория является центральной для регулирования юридического ИИ и требует строго нормативного регламентирования. Для таких систем необходимо: обязательная независимая оценка соответствия и регистрация в специальном государственном реестре; внедрение системы управления рисками на протяжении всего жизненного цикла ИИ (аудит и мониторинг); высокие требования к точности и отсутствию дискриминационных смещений; документирование архитектуры и процессов; обеспечение обязательного человеческого надзора: окончательное решение и ответственность остаются за квалифицированным юристом.

Уровень 4. Запрещенные системы – системы, использование которых в юридической деятельности должно быть полностью запрещено (системы для скрытого манипулирования сторонами судопроизводства, системы для автоматического вынесения судебного решения без участия судьи-человека, системы для социального рейтинга лиц на основе анализа их поведения или социальных связей). Такой запрет должен быть закреплен на законодательном уровне с четким обоснованием в терминах нарушения фундаментальных прав.

Если система юридического ИИ одновременно выполняет функции разных уровней, она классифицируется по наиболее высокому уровню риска.

Сферы действия юридического ИИ. В юридической литературе активно обсуждаются возможности внедрения ИИ в правовую жизнь общества. Он уже перестал быть гипотетическим инструментом будущего и меняет спектр юридических услуг, повышая эффективность, снижая затраты и открывая новые возможности для правового мышления.

Основные направления исследований в данной сфере возможно разделить на следующие блоки. Авторы выделяют различные подходы к применимости ИИ в юриспруденции. Прежде всего, это аналитическая деятельность: юри-

дические исследования и анализ прецедентов. Здесь в научной литературе описывается способность ИИ обрабатывать тысячи документов (законы, постановления, судебные решения) в кратчайшие сроки; выявлять релевантные прецеденты с высокой точностью; анализировать тенденции в судебной практике; прогнозировать исход судебных дел на основе исторических данных о ранее принятых решениях.

Так, в статьях различных авторов содержится обзор возможностей ИИ по обработке больших юридических данных, анализу судебной практики и «Legal Tech» инструментов [13; 23]; анализируются конкретные зарубежные системы, которые используются для поиска прецедентов, анализа когерентности практики и прогнозирования; рассматриваются философско-правовые и методологические аспекты, в том числе возможность алгоритмического анализа тенденций в практике и выявления латентных связей в массивах судебных актов; дается системная классификация направлений, где выделяется «юридический анализ данных» (Legal Analytics) как ключевое, включающее прогнозирование решений и анализ документов [7]. Ряд авторов фокусирует внимание на этике, однако исследования часто опираются на реальные технологические возможности систем прогнозной аналитики и описывают принцип их работы [26].

Автоматизация документооборота в юридической сфере также часто подвергается анализу в юридической литературе [11]. Очевидно, что ИИ оптимизирует работу с документами, позволяя осуществлять «умный поиск» по архивам документов с семантическим анализом; автоматически классифицировать юридические документы; извлекать ключевую информацию из договоров, исковых заявлений, протоколов; сравнивать версии документов с выделением смысловых различий.

Еще одно направление применения ИИ в юриспруденции – составление и анализ договоров. ИИ-платформы помогают генерировать типовые договоры с учетом конкретных условий; выявлять рискованные положения в контрактах; сравнивать договоры с эталонными шаблонами; автоматически извлекать сроки, обязательства и условия [6].

Анализируется в статьях и деятельность ИИ в сфере юридических консультаций (чат-бо-

ты). Благодаря ИИ доступ к базовым юридическим знаниям становится проще: юридические чат-боты помогают в составлении документов, а системы рекомендаций предлагают варианты действий по конкретным правовым ситуациям. Таким образом, виртуальные помощники экономят время юристов на рутинных консультациях.

Искусственный интеллект анализирует огромные массивы данных на предмет рисков, выявляет связи между лицами и компаниями, обнаруживает аномалии и потенциальные правовые конфликты. Машинное обучение позволяет сегодня прогнозировать вероятные исходы судебных процессов, анализировать поведение конкретных судей, оценивать судебные расходы и сроки рассмотрения дел. В корпоративной среде ИИ проводит мониторинг транзакций на предмет подозрительных операций, анализирует изменения в законодательстве, влияющие на бизнес.

При этом большинство авторов отмечает следующие проблемы: ответственность за ошибки ИИ и ответственность систем ИИ, конфиденциальность данных; смещение в алгоритмах, обученных на исторических данных; деформация профессии и изменение требований к компетенциям юристов.

Искусственный интеллект не заменяет юриста, но становится его мощным ассистентом, берущим на себя рутинные задачи и расширяющим аналитические возможности. Уже сегодня ИИ повышает доступность правовой помощи, снижает стоимость услуг и улучшает их качество.

В настоящий момент системы ИИ в роли консультантов по юридическим вопросам уже являются составной частью всех существующих как отечественных, так и зарубежных систем генеративного ИИ, а также широко внедряются в работу многих крупных международных юридических фирм (как пример, в качестве отдельных внутренних программ в работу Мельбурнской юридической фирмы «Doogue O'Brien George», в работу Лондонской юридической фирмы «Allen&Overy» и других). Юридические фирмы и департаменты, применяющие эти технологии, получают значительное конкурентное преимущество. Однако успешная интеграция требует не только технических инвестиций, но и пересмотра процессов, подготовки кадров и разработки этических стандартов.

Практическая потребность в определении термина «юридический искусственный интеллект». В профессиональной среде уже сформировалась узкая специализация «юрист в сфере ИИ», чья работа связана с минимизацией рисков в сфере интеллектуальной собственности, персональных данных, налогообложения и информационной безопасности в ИИ-проектах. Это доказывает, что применение ИИ в правовой сфере порождает уникальные, не укладывающиеся полностью в традиционные конструкции отношения, требующие особого подхода к регулированию.

Необходимость выделения отдельной категории «юридический искусственный интеллект» обусловлена насущной потребностью в преодолении разрыва между технологической реальностью и правовым языком. Отсутствие корректной категории «юридический искусственный интеллект» тормозит развитие адекватного правового регулирования, создает риски для субъектов правоотношений и затрудняет интеграцию передовых технологий в правовую систему для повышения ее эффективности и доступности.

Необходимо, чтобы применение ИИ было безопасным для общества и прав человека. Последнее возможно путем проведения правовой экспертизы предлагаемых систем и апробации их в рамках созданных для этого правовых песочниц, а также внедрения правила, согласно которому юридический ИИ вберет в себя не только свод позитивного и машиночитаемого права (свод нормативно-правовых актов), но и, что немаловажно, получит техническую возможность в обязательном порядке учитывать традиционные российские духовно-нравственные ценности [16], самобытность русского духа, социокультурные особенности русского правового сознания и правопорядка.

Юридический ИИ должен вобрать в себя лучшие достижения и понятийный аппарат «доверенных технологий искусственного интеллекта» [15], отвечающих стандартам безопасности, разработанных с учетом принципов объективности, недискриминации, этичности, исключающих при их использовании возможность причинения вреда человеку и нарушения его основополагающих прав и свобод, нанесения ущерба интересам общества и государства.

Действующая Национальная Стратегия развития ИИ [15] определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. С учетом этого, в рамках термина «юридический ИИ» необходимо обсуждать «компьютерные системы, способные выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта» (в соответствии с п. 5.1 ГОСТ Р 71476-2024).

Правоприменительные решения выносятся человеком не только на основе нормативно-правовых актов, но и на основе правопонимания и правосознания правоприменителя, правовой идеологии, тенденций государственной политики в сфере права и законодательства, приоритетов правовой политики, дискуссий в правовой доктрине, принципов и всего контекста права. Контекстуальность ИИ должна включать и в целом философские, культурно-исторические, религиозные идеи и события, учитывать болевые точки человеческого бытия, экзистенциальные смыслы. Ничем похожим ИИ не обладает и обладать не может, так как не знает «душевной боли», «физической боли», страха смерти, одиночества и иных сторон чисто человеческой жизни.

В современную цифровую эпоху нравственные идеалы общества, представления о добре и зле, о справедливости и гуманизме, правовая культура индивида могут быть подвергнуты деградирующему влиянию технократизма ИИ, массово приводящему к выхолащиванию мировоззренческих нравственных достижений общества и морально-этических императивов права. Согласимся, что правоприменительная деятельность с использованием ИИ не должна приводить к механицизму и редукционизму в понимании права, когда общество будет пониматься как искусственное создание, а личность, индивид, человек будет рассматриваться как цифровая, математическая единица вне национальной культуры, языка, традиций, философии искусства и правового мышления [1].

В этом смысле предлагаемый концепт «юридического ИИ» призван сохранить баланс между внедряемыми технологиями ИИ и челове-

ческими высокими нравственными идеалами уважения, признания и защиты прав индивида, ценностью совестливой души и Божественного смысла Мироздания. Правовое мышление должно остаться свободным для творчества, рефлексий и интуиции, а зрелое правовое сознание должно опираться не на «вычисляемое» поведение, а на нравственный тезаурус внутри человека, позволяющий ему выйти победителем из любой правовой сложной ситуации.

В случае активного внедрения ИИ в судебный процесс неизбежно встает вопрос о подрыве принципа верховенства права и конституционных гарантий судебной защиты прав и свобод граждан (ст. 46 Конституции РФ). Он возникает не только по причине того, что алгоритмы, на которых основаны ИИ-решения, непрозрачны («черный ящик»), и их решения невозможно проверить на соответствие закону, но и потому, что нарушается принцип поиска справедливого решения в каждом конкретном случае, обязательно предполагающего анализ субъективной стороны участников правоотношений.

Это ставит под вопрос и возможность судебного контроля по отношению к внутреннему убеждению правоприменителя, выносящего судебное решение. Внедрение и активное использование ИИ для генерации «типовых» решений может привести к упрощению и унификации правоприменения, игнорирующего нюансы и индивидуальные обстоятельства, которые являются основой справедливого правосудия. ИИ всегда выносит решение по аналогии, выявляя скрытые закономерности огромного массива обучающих статистических данных, но он беспомощен перед решением задач, которых в обучающих данных не было, он беспомощен в процессе индивидуально-го усмотрения, когда необходимо определить золотую пропорцию между содержанием абстрактной правовой нормы и конкретными обстоятельствами дела через кристалл гуманизма и морали.

Далее, ИИ обучается на ранее возникших юридически значимых ситуациях и исторических данных (судебных решениях, договорах). Но дело в том, что они неизбежно устаревают, и, если в этих данных были заложены определенные правовые взгляды, ценности и установки, меняющиеся постоянно, предубеждения (например, культурные, расовые, социальные

и др.), то ИИ воспроизведет и отмасштабирует эти предубеждения.

Проблема ответственности ИИ также остается не решенной. Кто будет нести ответственность, например, если ИИ совершил ошибку в договоре, которая привела к убыткам на миллионы: разработчик алгоритма, владелец данных, юрист-пользователь или компания-производитель? Может ли это привести к появлению нового вида гражданской ответственности (например, ответственности за действия автономных систем)?

Существует и целый спектр профессиональных и этических вызовов для юристов. Прежде всего, это девальвация профессии и «размывание» экспертизы в силу того, что автоматизация рутинных задач может привести к снижению базовых навыков у молодых юристов (умение «с нуля» составить договор, провести исследование). К этому стоит добавить и психологический эффект, когда юрист перестает критически проверять выводы системы, считая их непогрешимыми и правильными априори.

Далее, в том случае, если ИИ будет избирать определенную формулировку или стратегию, ввиду того, что она статистически чаще ведет к победе в суде (но не обязательно к самому справедливому решению), то не противоречит ли это поиску правды?

Наконец, остро встает вопрос о конфиденциальности, так как обмен информацией по делу с публичными ИИ-агентами разрушает адвокатскую тайну. Данные становятся частью обучающей выборки и могут быть восстановлены или использованы. К тому же юридические документы – это концентрат самой чувствительной и значимой для личности информации (персональные данные, коммерческая тайна, финансовые показатели, следственные тайны). Взлом ИИ-платформы или базы данных для обучения – катастрофа для персональных данных.

Кроме того, пользователю необходимо всегда учитывать, что системы ИИ характеризует не только недостаточная глубина исследования, но и так называемые галлюцинации, которые являются характерным побочным эффектом машинного обучения с подкреплением, широко используемым при обучении ИИ. В этом смысле перед юридической наукой встает неизбежный вопрос: так ли уж необходима замена профессионального кропотливого правового

мышления юриста на машинного быстрого, но скудного духом и обделенного естественным правосознанием «цифрового гомункула»?

Оператор может умышленно обучить ИИ на специфических данных или запросах, чтобы выведать коммерческую тайну конкурента, спровоцировать ошибку или сформировать предвзятое решение. Искусственный интеллект, способный генерировать убедительные правовые тексты, судебные решения или даже «фото» и дипфейки (видео как доказательства), может быть использован для фальсификации, что подрывает основы судопроизводства.

В 2021 году Правительственной комиссией была утверждена «Концепция развития технологий машиночитаемого права» [10]. Несмотря на то, что соответствующий документ был утвержден более четырех лет тому назад, интерес к идее машиночитаемого права особенно усилился в последнее время, очевидно, в связи с наблюдаемой «экспансией» систем ИИ во все сферы общественной жизни. Обсуждению различных аспектов концепции машиночитаемого права посвящено множество публикаций, из которых по глубине системного взгляда следует отметить исследования [3; 12; 18; 19; 21; 22], в которых авторы пишут о том, что, позитивное право, как совокупность формализованных правил, элементарных алгоритмов, близких по строению к программным кодам, выделение отдельной отрасли машиночитаемого права и практика современного применения права предоставляют прекрасные возможности для анализа результатов реального действия и обучения нейросетей. Данная точка зрения представляется критичной и упускающей из виду множество очень важных аспектов, в связи с чем авторы считают необходимым определить свою позицию по данному вопросу.

Как полагают авторы, для эффективной и безопасной имплементации систем ИИ в правоприменительную деятельность, законодательно необходимо определить и ввести понятие «рутинной процедуры» для машиночитаемого права, которую данные системы могли бы выполнять самостоятельно без участия человека, при этом без ущерба для судебного усмотрения и категорий морально-этического надзора. Выработка правил определения «рутинности» юридической процедуры является предметом отдельного научного исследования.

Чтобы избежать рисков и угроз неэффективного и даже непропорционального использования ИИ, существует целый ряд направлений, разрабатывающих принципы использования безопасного юридического ИИ. Во-первых, это принцип «человекоцентризма», согласно которому окончательное решение, особенно по стратегическим вопросам, всегда должен принимать человек-юрист. Во-вторых, это принцип «прозрачного ИИ»: требование к разработчикам создавать алгоритмы, способные объяснить, на основе каких факторов было принято то или иное решение. В-третьих, это «четкие правила использования ИИ» в каждой организации: какие системы можно использовать, для каких задач, как проверять результат, как защищать данные. В-четвертых, это сертификация и аудит ИИ-решений: появление независимых органов, которые будут проверять юридические ИИ на предмет безопасности и соответствия этическим стандартам. В-пятых, это законность ИИ: необходимо принятие отдельного нормативного акта в сфере юридического ИИ. Важно также повышение цифровой грамотности юристов: обучение не только пользованию инструментами, но и пониманию их ограничений, принципов работы и связанных с ними рисков.

Заключение. Введение термина «юридический искусственный интеллект» как юридически значимой категории позволит: обосновать и структурировать использование ИИ в правовой жизни общества; выработать специальные нормы в рамках существующих отраслей права (гражданского, процессуального, административного) для регулирования связанных с ним отношений, в том числе вопросов ответственности разработчиков и операторов, качества и проверяемости данных, этических стандартов; отделить регулирование высокорисковых систем от менее критичных, но массовых правовых инструментов, создав дифференцированный регуляторный подход; заложить основу для будущих профессиональных стандартов и требований к подобным системам, включая возможную маркировку контента.

Концепт «юридический искусственный интеллект» может быть основой для наполнения теории безопасного использования ИИ, так как он ориентирован на сохранение человекоцентричного правоприменения и учитывает высшие гуманистические идеалы современ-

ного государства и права для формирования правильного ценностно-ориентированного подхода к внедрению ИИ в правоприменительную сферу. При этом системы «юридического искусственного интеллекта» являются функционально-достаточными гетерономными системами, работающими либо по принципу автономного выполнения лишь рутинных процедур, либо это системы ИИ на основе паттерна машинно-человеческого сотрудничества, что обеспечивает полноту учета такими системами понятий и категорий социокультурного, этноконфессионального, морально-этического, нравственного и оценочного характера, не экстернализируемых проявлений сознания и души человека, так как они в рамках предлагаемой концепции подлежат интерпретации и дальнейшему продуцированию итогового решения только волей человека.

При этом предложенная в данной работе идея необходимости законодательно определить «рутинные процедуры», на наш взгляд, нивелирует возможные негативные эффекты от повсеместного неуправляемого внедрения ИИ в правоприменительную деятельность и существенно смягчит сложность процесса перевода права в машиночитаемую форму. Введение и обоснование категории «юридический искусственный интеллект» является не фикцией, а необходимым шагом на пути к созданию адаптивного, технологически современного и безопасного правопорядка.

Предложенный концепт, таким образом, будет служить регулятором безопасного, основанного на общекультурном ценностном коде использования ИИ, исключая потенциальную абсурдность безоглядного внедрения цифрового правоприменения.

Список использованных источников

1. Альбов А. П. Цифровые технологии правоприменения: новые модели и риски // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2. С. 25–30.
2. Войтович Е. П. Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 26–43.
3. Гаврилов С. Н. Машиночитаемое право, закон и человекочитаемый (русский) язык // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 69–85.
4. ГОСТ Р 71476-2024. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта

(утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310068314> (дата обращения: 12.10.2025).

5. Дойч Д. Структура реальности. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. 400 с.

6. Зуйков С. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3. С. 125–129.

7. Игнатенко В. В., Праскова С. В., Чуксина В. В. Судебная деятельность и ее виды: кибернетический подход // Академический юридический журнал. 2024. № 1. С. 20–33.

8. Ильин И. А. О сущности правосознания: сборник. М.: Издательство АСТ, 2024. 384 с.

9. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

10. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31). URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-tekhnologii-mashinocitaemogo-prava-utv-pravitelstvennoi-komissiei-po> (дата обращения: 13.10.2025).

11. Котов А. А. Автоматизация обработки юридических документов на примере правового сопровождения издательской деятельности: задачи и перспективные технологии // Экономика. Информатика. 2022. № 2. С. 394–402.

12. Кузьмин И. М. О концепции машиночитаемого права // Russian Studies in Law and Politics. 2024. № 1–2. С. 53–59.

13. Курочкин С. А. Искусственный интеллект в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 42–74.

14. Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 5–19.

15. Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124) // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326> (дата обращения: 13.10.2025).

16. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 13.10.2025).

17. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Ленанд, 2024. 416 с.

18. Перевозкин А. А. Машиночитаемое право: границы применимости // Юрислингвистика. 2025. № 37. С. 47–53.

19. Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 22–37.

20. ПНСТ 839-2023 «Искусственный интеллект. Смещенность в системах искусственного интеллекта и при принятии решений с помощью искусственного интеллекта» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 ноября 2023 года № 51-пнст). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1303687653> (дата обращения: 12.10.2025).

21. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–236.

22. Порываева Н. Ф. Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5. С. 90–95.

23. Степанов О. А., Басангов Д. А. О цифровизации судебной деятельности в Китайской Народной Республике // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 50–56.

24. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 02.10.2025).

25. Целищев В. В. Семантическая революция: Гёдель vs Тарский // Сибирский философский журнал. 2017. № 3. С. 5–19.

26. Чеботарева И. В. Прогнозирование судебных решений с помощью искусственного интеллекта: этико-правовые дилеммы // Закон. 2021. № 10. С. 95–108.

References

1. Albov A. P. Digital Technologies of Law Enforcement: New Models and Risks. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2020. No. 2. P. 25–30 [in Russ.].

2. Voitovich E. P. The Public Order Clause as a Ground for Refusing to Apply Foreign Family Law. *Law Journal of the Higher School of Economics*. 2020. No. 3. P. 26–43 [in Russ.].

3. Gavrilov S. N. Machine-Readable Law, Law and Human-Readable (Russian) Language. *Actual Problems of Russian Law*. 2023. No. 4. P. 69–85 [in Russ.].

4. GOST R 71476-2024. Artificial Intelligence. Concepts and Terminology of Artificial Intelligence (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology, dated October 28, 2024, No. 1550-st). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1310068314> (date of access: 12.10.2025) [in Russ.].

5. Deutsch D. The Structure of Reality. Izhevsk: Research Center “Regular and Chaotic Dynamics”, 2001. 400 p. [in Russ.].

6. Zuykov S. A. Prospects for the Use of Artificial Intelligence in the Russian Judicial System. *Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2025. No. 3. P. 125–129 [in Russ.].

7. Ignatenko V. V., Praskova S. V., Chuksin V. V. Judicial Activity and Its Types: A Cybernetic Approach. *Academic Legal Journal*. 2024. No. 1. P. 20–33 [in Russ.].

8. Ilyin I. A. On the Essence of Legal Consciousness: A Collection. Moscow: AST Publishing House, 2024. 384 p. [in Russ.].

9. Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms: In 3 Volumes. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya Kniga, 2002 [in Russ.].

10. The Concept of the Development of Machine-Readable Law Technologies (approved by the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies for Improving the Quality of Life and Business Environment, Protocol No. 31 dated September 15, 2021). Available at: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-tehnologii-mashinochitaemogo-prava-utv-pravitelstvennoi-komissiei-po> (date of access: 13.10.2025) [in Russ.].
11. Kotov A. A. Automation of Legal Document Processing: Tasks and Promising Technologies in Legal Support for Publishing Activities. Economics. *Computer Science*. 2022. No. 2. P. 394–402 [in Russ.].
12. Kuzmin I. M. On the Concept of Machine-Readable Law. *Russian Studies in Law and Politics*. 2024. No. 1–2. P. 53–59 [in Russ.].
13. Kurochkin S. A. Artificial Intelligence in Civil Procedure. *Bulletin of Civil Procedure*. 2024. No. 2. P. 42–74 [in Russ.].
14. Lazarev V. V. Legal Science in the Light of Digitalization Prospects. *Journal of Russian Law*. 2023. No. 2. P. 5–19 [in Russ.].
15. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period until 2030 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation, dated 02/15/2024, No. 124). The President of Russia: official. website. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50326> (date of access: 13.10.2025) [in Russ.].
16. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation, dated 09.11.2022, No. 809. The President of Russia: official. website. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (date of access: 13.10.2025) [in Russ.].
17. Penrose R. The New Mind of the King. On Computers, Thinking, and the Laws of Physics. Moscow: Lenand, 2024. 416 p. [in Russ.].
18. Perevozkin A. A. Machine-Readable Law: The Limits of Applicability. *Jurislinguistics*. 2025. No. 37. P. 47–53 [in Russ.].
19. Perevozkin A. A. Theoretic and Legal Characteristics of Machine-Readable Law. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. No. 8. P. 22–37 [in Russ.].
20. Preliminary national standard 839-2023 “Artificial Intelligence. Bias in Artificial Intelligence Systems and Decision-Making Using Artificial Intelligence” (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 10, 2023 No. 51-pnst). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1303687653> (date of access: 12.10.2025) [in Russ.].
21. Ponkin I. V. The Concept of Machine-Readable Law. *Legal Technique*. 2021. No. 15. P. 231–236. [in Russ.].
22. Poryvaeva N. F. Algorithms and Law. *Theory and Practice of Social Development*. 2021. No. 5. P. 90–95 [in Russ.].
23. Stepanov O. A., Basangov D. A. On the Digitalization of Judicial Activities in the People's Republic of China. *Russian Justice*. 2024. No. 7. P. 50–56 [in Russ.].
24. Federal Law “On Personal Data”, dated July 27, 2006, No. 152-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (date of access: 12.10.2025). [in Russ.].
25. Tselishchev V. V. Semantic Revolution: Gödel vs. Tarski. *Siberian Philosophical Journal*. 2017. No. 3. P. 5–19 [in Russ.].
26. Chebotareva I. V. Forecasting Judicial Decisions Using Artificial Intelligence: Ethical and Legal Dilemmas. *Zakon*. 2021. No. 10. P. 95–108 [in Russ.].

Поступила в редакцию 12.12.2025
Received December 12, 2025